

Мужчина придвинулся ближе, вдыхая аромат у его щеки. Как раз когда Линь Му, ожидая какого-то подвоха, невольно зажмурился, он почувствовал легкое покалывание на лице.

Раскрыв глаза, он увидел, что мужчина прикусил мясистую часть его щеки и слегка потирает ее зубами. Словно боясь сделать больно, тот тут же высунул язык и принялся лизать покрасневшее место, точь-в-точь как огромная собака, пытающаяся угодить хозяйшке. Линь Му слегка потерял дар речи: Цинь Янь тоже любил покусывать его за лицо, и движения Чу Сяо были точь-в-точь как у Цинь Яня. Неужели это просто совпадение? Или же... Дальше Линь Му думать не смел, опасаясь, что чем сильнее будет надежда, тем страшнее окажется разочарование.

Натешившись вдоволь, Чу Сяо заметил отрешенный вид человека под ним и невольно забеспокоился. Мягко он осведомился:

— Что такое? Напугал? Или сделал больно своими зубами?

Взглянув на то место, куда только что укусил, он увидел на нежной белой щеке два четких отпечатка зубов, а область, которую он облизал, слегка припухла и покраснела. Нахмурившись, он ведь совсем не давил. С чувством легкой вины мужчина протянул руку, желая стереть следы от зубов, но от мозолей на кончиках пальцев, оставшихся от многолетних занятий боевыми искусствами, кожа стала еще краснее, и на ней даже проступили едва заметные прожилки крови. С досадой убрав руку и совершенно растерявшись, он в конце концов принялся осторожно, один за другим, оставлять на лице поцелуи.

Линь Му со сложным выражением в глазах наблюдал за чередой действий мужчины. Разве могут такие привычные манеры быть простым совпадением? Впрочем, независимо от того, случайность это или нет, он не мог позволить мужчине продолжать, пока во всем не убедится.

Чу Сяо покрывал поцелуями щеку своей драгоценной жены, постепенно поддаваясь хмельному исступлению, как вдруг почувствовал в районе груди толчок — слабый, но выдающий нотку сопротивления. Сердечко Чу Сяо на миг испуганно замерло: не получив согласия жены, он стал ее и целовать, и кусать, неужели она разозлилась? С некоторой боязнью приподнявшись, он заглянул в лицо лежавшему под ним человеку. Корона феникса на голове слегка перекосилась, черные шелковистые пряди растрепались, а щеки от его поцелуев горели румянцем. Как ни посмотри, это зрелище сводило с ума, однако крайне холодное выражение лица разом потушило только что вспыхнувшее желание Чу Сяо.

— Жена, прости, я не со зла, просто в тот момент не смог сдержаться. Не сердись, пожалуйста?

— В его тоне слышалось две части робкой тревоги, три части растерянности и пять частей балующей нежности.

Видя, что Линь Му никак на него не реагирует, и не зная, как того утешить, он бросил взгляд на упавший на пол свадебный бокал и довольно неуклюже сменил тему:

— Кстати, мы ведь еще не выпили вино на единение сердец.

С этими словами он бережно приподнял Линь Му, налил два бокала вина и протянул один из

них.

Линь Му очень хотел отказаться, но при виде его полного надежды взгляда невольно смягчился. Тяжело вздохнув, он взял бокал и осушил его до дна. Настроение Чу Сяо немного улучшилось, и он тоже выпил свое вино. Отставив бокалы в сторону, он помог Линь Му снять с головы корону феникса, и каскад послушных черных волос рассыпался по плечам, скользнув между пальцами Чу Сяо и вновь заставив его зачарованно замереть.

Очарованно глядя на Линь Му, Чу Сяо не удержался и подался ближе:

— Жена, ты так прекрасна. Сегодня наша брачная ночь, отдашься мне?

Линь Му опустил голову и молчал. Лишь спустя долгое время он подал голос, и в его спокойном тоне прозвучала едва уловимая дрожь:

— Что, если я не женщина?

— Я знаю. — Узнав, что жена переживает именно из-за этого, Чу Сяо не удержался от смешка.

— Знаешь? Ты знал, что я не женщина? — Дрожь в его голосе усилилась.

— Верно, я с самого начала это знал.

Заметив, что эмоциональное состояние жены, кажется, ухудшилось, Чу Сяо попытался приблизиться, чтобы успокоить его, но едва коснулся его руки, как ту яростно оттолкнули.

— Не трогай меня!

Линь Му сжался в комок, забившись в угол кровати, а в его голосе зазвучал чистый ужас и едва сдерживаемые рыдания:

— Не трогай меня! Ты с самого начала все знал, ты всегда знал, что я чудовище, да?!

— С чего ты взял? Какое же ты чудовище? — Сердце Чу Сяо сжалось от боли при виде жены. — Ты нормальный человек, моя жена, а не какое-то чудовище.

— Нет, я чудовище, я именно оно... Я не похож на тех женщин, совсем не похож...

— Ты мужчина, конечно же ты не похож на женщин.

— Нет! Ты врешь. Я чудовище... Ты врешь мне...

Глядя на то, как жена бессвязно твердит, будто она чудовище, и дрожит, сжавшись в уголке, он

вспомнил собранные людьми досье. Там говорилось, что его жена с малых лет носила мужскую одежду, и прежде он думал, что ее к этому принуждали. Кто бы мог подумать, что жена до сих пор искренне считает себя женщиной да вдобавок ко всему — монстром. Чу Сяо почувствовал, как у него защипало глаза. Осторожно приблизившись, он заключил его в объятия и зашептал успокаивающие слова:

— Ты не чудовище, правда. Ты моя жена, мое сокровище, любовь всей моей жизни.

Линь Му, прижавшись к груди Чу Сяо, погрузился в противоречивые мысли. Не слишком ли далеко он зашел?

Этой ночью Чу Сяо так и продержал Линь Му в объятиях, успокаивая до самого рассвета. Лежа на его груди, Линь Му закрыл глаза, но так и не смог уснуть — в голове царил полный хаос, и лишь под утро он забылся тревожным сном. Линь Му вышел замуж и переехал в генеральскую резиденцию уже больше полумесяца назад. Из-за происшествия в брачную ночь Чу Сяо больше не принуждал его к супружеской близости, а лишь каждую ночь прижимал к себе во сне. В будние дни он и вовсе обращался с Линь Му как с хрупким фарфоровым сосудом, бережно оберегая и балуя, а всё его сердце было всецело отдано супругу.

Вынужденный уже больше полумесяца жить нахлебником, Линь Му целыми днями не выходил из дома, да и никто не рассказывал ему о том, что происходит за стенами резиденции, пока с удивлением не обнаружилось, что его задание выполнено само собой.

Обратившись к Системе, он узнал, что вскоре после его замужества Лу Сюэюнь подхватила странную болезнь. Сначала все думали, что это обычная простуда, но кто же знал, что состояние станет только тяжелее и вскоре она уже не сможет встать с постели. Чэнь Юйтин же тайком сошлась со слугой, и их застали прямо на месте преступления. Узнав об этом, Циван тут же разорвал помолвку, а доложив императору, обвинил её в преступлении против императорского двора. Помня о прошлых заслугах министра Чэня перед государством, император проявил великодушие и пожаловал Чэнь Юйтин лишь смертный приговор. Услышав эту новость, Лу Сюэюнь от страшного гнева и сильнейшего потрясения испустила дух. А Чэнь Сюйвэн, переживший столько потрясений за столь короткий срок, разом постарел лет на десять.

Обитатели столицы наперебой вздыхали о непостоянстве мира и удивлялись: в семье стряслась такая беда, а старшая барышня, ставшая женой генерала, не проявила ни малейшей реакции.

Все только и говорили, что о её неблагодарности и черствости, но вскоре эти слухи опроверг один очень уважаемый в столице лекарь. Он заявил, что раньше и сам считал жену министра доброй и добродетельной, однако во время одного из осмотров старшей барышни заметил, что всё её тело покрыто следами жестоких истязаний. Более того, хотя барышня и отличалась слабым здоровьем, она вовсе не была столь болезненной, как гласили слухи, и ей не требовался постоянный постельный режим, а убогий флигель, в котором её держали, был создан явно для того, чтобы запирать неудобных.

Вслед за этим по столице поползли слухи о том, что жена министра состояла в тайной связи со

зятем и сама сгубила собственную родную сестру. Услышав об этом, люди приходили в ужас: жена министра оказалась настоящей змеей и ядовитой тварищью. Какова мать, такова и дочь, так что неудивительно, что и вторая барышня оказалась столь распутной. А сам господин министр к тому же не умел отличать черное от белого, столько лет лелея эту парочку. Поистине было жаль старшую барышню: её родная мать погибла, отец не обращал на неё внимания, и столько лет ей пришлось терпеть лишения. К счастью, теперь её снискал милость генерала, небеса всё видят.

С тех пор даже после смерти Лу Сюэюнь и Чэнь Юйтин покрыли себя всеобщим позором. Помимо этого, по столице разлетелась еще одна новость. Говорили, что некий странствующий даос преподнес императору эликсир бессмертия. Государь пришел в величайшую радость и, пропринимав его несколько дней, действительно засиял здоровьем и осыпал лекаря щедрыми наградами. Однако всего несколько дней назад, приняв очередную дозу, император внезапно зашелся пеной у рта и рухнул без чувств. Придворные лекари диагностировали отравление, но к счастью, яд был не смертельным. Разгневанный император приказал провести расследование, в ходе которого выяснилось, что даос оказался обыкновенным уличным шарлатаном, и приказал четвертовать его. Другие же поговаривали, что министр военного ведомства Чэнь, узнав об этом происшествии, по неизвестной причине тоже рухнул на землю и до сих пор прикован к постели, не в силах подняться. Люди лишь со вздохом покачивали головами.

Все эти события произошли одновременно, и Линь Му ни за что бы не поверил, что это простое совпадение. А то, что слухи гуляли по всей столице, до него самого не дошло ни единой вести — стоило лишь задуматься, чьих это рук дело.

Проведя с Чу Сяо бок о бок больше полумесяца, Линь Му лишь укрепился в своих догадках. У Чу Сяо были те же самые мелкие привычки, что и у Цинь Яня: он любил называть его малышом, любил покусывать его за щеки, любил баловать его до небес, а теперь еще и тихо, без лишнего шума выполнил за него задание, точь-в-точь как Цинь Янь в прошлой жизни.

К тому же он словно на инстинктивном уровне знал все его пристрастия: ведал, что он обожает фрукты, знал, что он любит мысленно ворчать, понимал, когда тот закатывает глаза от бессловесного бессилия... Но главное — Линь Му понял, что испытывает к Чу Сяо глубокие чувства. Раньше, пока не было полной определенности, он просто гнал от себя эти мысли, но теперь, вспоминая обо всем, он осознал, что на самом деле любит Чу Сяо. Судя по всему, Чу Сяо действительно оказался Цинь Янем — он последовал за ним из прошлого мира!

Утвердившись в этой мысли, Линь Му загорелся нетерпением поскорее увидеть этого человека. Расспросив слуг, он узнал, что тот разбирает дела в кабинете, и поспешно туда направился.

Услышав скрип открывающейся двери, Чу Сяо поднял голову и увидел своего суженого — тот стоял на пороге с растрепанными волосами и тяжело дышал. Подумав, что стряслось что-то серьезное, он поспешно бросил дела и шагнул навстречу: — Что такое? Что произошло?

Заметив, что лоб Линь Му покрылся мелким потом, он с сердечной болью завел его в комнату, усадил и, достав платок, принялся бережно утирать пот.

Видя, что Линь Му лишь растерянно смотрит на него и молчит, Чу Сяо ласково уговорил: — Милый, скажи мне, что случилось?

Беспокойство на лице мужчины заставило глаза Линь Му покраснеть. Вся безграничная тоска по нему, накопившаяся с момента расставания в прошлом мире, выплеснулась наружу. Он бросился в объятия Чу Сяо, и слезы хлынули ручьем.

Чу Сяо от неожиданности даже растерялся. Не успел он обрадоваться тому, что суженый сам бросился ему на шею, как почувствовал, что на груди расплзается влажное пятно. Лицо его мгновенно помрачнело, а в угольно-черных глазах плеснулась свирепая жажда убийства: его суженый плакал! Кто! Да как кто-то смел обидеть его суженого, они все смертники!

Укротив убийственную ауру, Чу Сяо с бесконечной нежностью обнял Линь Му, поглаживая его по спине. Когда Линь Му немного успокоился, он бережно вытер оставшиеся в уголках глаз слезы и мягко спросил: — В чем дело? Кто тебя обидел? Линь Му очень хотел сказать, что это ты меня обидел, но припомнив, как только что зарылся в мужские объятия и проплакал столько времени, почувствовал себя до крайности пристыженным. Он злобно глянул на мужчину и, заметив на его лице недоумение, отчаянная смелость вдруг залила его изнутри: обхватив того за шею, он приложился к тонким губам.

Чу Сяо уже лишился дар речи — жена проявила такую инициативу и сама поцеловала его! В сердце в тот же миг распустилось бесчисленное множество цветочков, и он уже не заботился о том, почему жена только что плакала. Огромная лапища легла Линь Му на затылок, и он впился в те самые желанные алые губы. Позже, сочтя это недостаточным, он попытался проникнуть языком за плотно сжатые зубы. Линь Му прикрыл глаза, послушно приоткрыл рот, и туда скользнул широкий язык. В тот самый миг, когда их языки соприкоснулись, из самых глубин души поднялось чувство полного удовлетворения, а сердце исторгло тихий вздох: как же хорошо, я узнал тебя.

Они вели битву губами и языками и лишь долгое время спустя разомкнулись, сбивая дыхание. Линь Му, растеряв все кости, обмяк в объятиях Чу Сяо.

— Жена, ты сейчас поистине прекрасна. — Хрипловатый голос Чу Сяо был пропитан густым вожделением, чертовски соблазнительным и дразнящим, отчего Линь Му тоже постепенно начал возбуждаться.

Руки Линь Му блуждали по его груди, а с губ срывались слова, способные свести мужчину с ума:

— Супруг~ Нам ведь еще предстоит брачная ночь~ Может... прямо сейчас?..

— Как ты меня назвала? — Чу Сяо резким движением перехватил шаловливые ручки, продолжавшие разжигать огонь, а его зрачки потемнели до жуткой глубины. — Назови еще раз.

— Не расслышал — и не надо. — Линь Му отстранился от его объятий и лукаво улыбнулся: — Ты что, не хочешь? Если не хочешь, я ухожу.

Стоило ему повернуться, как его тут же подхватили на руки.

— Малыш, раз уж ты сам пришел в мои руки, разве муж может тебя упустить!

Цензура свирепствует...

Линь Му, постепенно приходя в себя после пробуждения, вспомнил вчерашние события и молча забился под одеяло, решив сыграть в страуса. Чтобы доказать, что он еще ого-го, этот мужчина довел его до обморока целых несколько раз! А еще заставил выкрикивать всякие стыдные вещи, пока издевался над ним. При одной мысли об этом накатывала такая ярость, что он прямо сейчас всерьез подумывал о том, как бы убить собственного мужа.

— Малыш, проснулся? Чего это ты под одеяло спрятался? Вылазь давай, смотри не задохнись. — Над головой Линь Му раздался голос, мягкий до такой степени, что с него капли капали, а чья-то рука сдернула одеяло с его головы. — Стыдно, что ли?

— Стыдно твою... тц-с... — Линь Му с сорвался на гнев и запустил в него подушку, но тут же дернул засадненное внизу спины место, отчего его лицо мгновенно исказилось от боли.

— Что такое? Дай посмотрю, как бы опять не повредить. — В голосе Чу Сяо сквозила сплошная тревога, однако стягивал штаны с Линь Му он абсолютно без всяких колебаний.

— Подонок! Старый развратник! Скотина! Ты... ты чего удумал? — Линь Му, оставшись без штанов, мгновенно взорвался.

— Не двигайся, я тебе еще мази намажу. — Чу Сяо легко шлепнул его по округлой попке, ощутив потрясающую упругость, и не удержался, проведя рукой еще раз.

— Ты называешь мазанием то, что лапаешь меня за задницу? — Линь Му одарил его презрительным взглядом.

— Заодно проверяю, не пострадало ли где драгоценное малышкино попутное место. — Совершенно бесстыдно неся чушь, изъяснялся некий старый развратник.

У Линь Му уже не оставалось сил что-либо говорить: куда делся его прежний молчаливый возлюбленный? И кто этот бессовестный пройдоха перед ним? Можно ли сделать вид, что он с ним не знаком?

Когда Линь Му уже решил, что этот тип снова собирается проделать с ним всё те же

манипуляции, тот на удивление аккуратно и тщательно смазал его мазью, больше нигде попутно не лапая.

Чу Сяо помог Линь Му натянуть штаны и тут же заметил его слегка ошарашенный взгляд, словно говоривший: ты же волк позорный, а ничего эдакого так и не сделал. Мужчина невольно усмехнулся:

— Что такое? Малыш надеялся, что я что-нибудь сотворю?

— Ни капли. — Линь Му яростно затряс головой.

Глядя на столь живую и непосредственную жену, Чу Сяо чувствовал себя так, будто его сердце доверху наполнилось медом — его сокровище и должно быть именно таким.

После этого они в атмосфере глубокой нежности и страсти пообедали. Линь Му продолжил валяться на кровати трупом, а Чу Сяо отправился в кабинет разбирать официальные бумаги.

Скучая в одиночестве, он увидел, как вошла обеспокоенная госпожа Сюй. Через несколько дней после того, как Линь Му вышел замуж, Чу Сяо велел забрать ее во дворец-резиденцию. В будние дни Чу Сяо относился к ней с глубоким уважением, почитая как тещу, и слуги не смели проявлять к ней неуважения. В последнее время госпожа Сюй жила в достатке, и настроение ее было прекрасным. Но сегодня на ее лице внезапно застыло столь горестное выражение, и Линь Му в силу долга и чувств должен был проявить заботу.

— Нянюшка, что стряслось?

— Юйцин, ты помнишь, как нянюшка говорила тебе, что в прошлом у меня был сын?

— Помню. Появились какие-то вести о нем? — Линь Му мысленно перебрал воспоминания Чэнь Юйцина и узнал, что в молодости у госпожи Сюй родился сын, которого похитили, едва тому исполнился месяц. Госпожа Сюй долго пыталась его отыскать, и эта потеря стала ее незаживающей душевной раной.

— Да. Несколько дней назад я выехала за город в храм возжечь благовония. На обратном пути я заметила на обочине нищего и, пожалев его, дала немного мелкой серебряной монеты. А потом разглядела у него на тыльной стороне ладони родимое пятно — точь-в-точь как у моего сына. Я попыталась расспросить его о кое-каких вещах и узнала, что он родом из небольшой деревушки неподалеку от Юйчэна. Всех жителей деревни перебили бандиты, а он в тот момент рубил в горах дрова, и когда вернулся, разбойники уже ушли. Торопливо прибежав домой, он застал мать лежащей в луже крови, но она была еще жива. Перед смертью она сказала, что он ей не родной, и отдала нефритовую подвеску, оставшуюся при его покупке. Она говорила, что слышала от торговцев людьми, будто он родом из столицы, и велела отыскать родных. У бедняги не было денег, и он добрался до столицы лишь побивая милостыню, после чего мы и столкнулись за городом. Я еще спросила его о возрасте: ему нынче двадцать три, ровно столько

же, сколько было бы моему несчастному ребенку. — Рассказывая об этом, госпожа Сюй залилась горячими слезами.

— Нянюшка, не плачьте, найти сына — это благое дело, радоваться нужно. — Линь Му внешне невозмутимо утешал госпожу Сюй, но в душе затаил странное подозрение: сын госпожи Сюй столько лет пропадал без вести, и никаких вестей не было, почему же стоило ей разок выехать за пределы усадьбы, как он тут же нашёлся? Уж не замышляет ли кто-нибудь использовать это дело во вред генеральскому поместью?

— Нянюшка, тогда зачем вы пришли ко мне, вам нужна какая-то помощь?

— Видишь ли... Я столько лет была виновата перед этим ребенком, мне хочется забрать его к себе и позаботиться о нем. Но я также знаю, что кого попало в генеральское поместье не приводят, поэтому я хотела попросить тебя переговорить с генералом, чтобы он проверил, нет ли за этим парнем каких-то грехов. Если он чист, я надеялась бы на согласие генерала. Впрочем... я ведь понимаю, что происхождение у него темное, и если с ним и впрямь что-то не так, можете не считаться со мной и поступать с ним как угодно, лишь бы это не навредило генеральскому поместью. — Госпожа Сюй говорила искренне, явно принимая во внимание интересы Линь Му. Тот изначально полагал, что она станет напрямую умолять его согласиться принять сына, но никак не ожидал услышать такие слова.

Заметив удивление на лице Линь Му, госпожа Сюй слегка улыбнулась:

— Юйцин, в сердце нянюшки ты — мой собственный ребенок. А к тому парню я испытываю лишь легкое чувство вины, но не глубокую привязанность. Теперь, когда человек нашёлся, мой тяжелый узел на сердце развязался. Коль будет вести себя тихо и мирно — я пригрею его, ну а нет... что ж, погорю пару дней, не больше.

— Нянюшка... — Линь Му проникся глубоким чувством. — В моем сердце вы — моя родная матушка, и впредь я буду чтить и заботиться о вас изо всех сил.

В тот же вечер Линь Му поведал обо всем Чу Сяо и поделился своими опасениями. Пока Чу Сяо массировал ему поясницу, он невозмутимо заявил, что пустить парня в дом не страшно — под крышей поместья за ним будет куда проще следить. Узрев уверенность мужа, Линь Му тоже успокоился, после чего ощутил, как одна нескромная крупная ладонь бесцеремонно просунулась ему под одежду...

Сына госпожи Сюй звали Ли Юань. С виду он обладал миловидными чертами лица и казался простоватым и робким человеком, однако жадность, затаившаяся на дне его глаз, полностью выдавала его истинную сущность.

Линь Му внутренне усмехался, наблюдая, как Ли Юань со слезами на глазах выражает ему свою благодарность, и даже не прерывал его на полуслове. Лишь когда тот до того пересохло во рту, что пришлось замолчать, он холодно обронил:

— Не стоит благодарить, генеральское поместье не обеднеет от еще одного рта. Впредь живи смиренно и праведно, да смотри не доводи мать до слез.

Ли Юань торопливо закивал и со смешанным с тревогой выражением лица отступил назад.

Линь Му как раз и стремился спугнуть змею, ударив по траве — только так кукловоды за кулисами потеряют самообладание, а в панике они неизбежно оставят зацепки, и тогда действовать станет намного проще.

Прошлой ночью, после бурной страсти с Чу Сяо, Линь Му поинтересовался, кто же его враги. Чу Сяо ответил, что недоброжелателей у него немало, но больше всего его смерти жаждет нынешний император.

Как выяснилось, за кулисами действительно стоял император. После того случая Ли Юань какое-то время вел себя в поместье тихо и примерно. А затем, видимо решив, что люди из резиденции генерала потеряли бдительность, во время очередной отлучки в город он тайком с кем-то встретился.

Согласно донесению тайных стражей, тем человеком оказался главный евнух при императорском дворе. Беседа их была недолгой, и перед расставанием главный евнух передал Ли Юаню послание, велел тайком спрятать его в кабинете Чу Сяо. Позже Линь Му взглянул на то письмо — оно оказалось фальшивым документом о тайной связи с соседним государством. Вспомнив исход первоначального сюжета, в котором всю семью Чу Сяо казнили за измену родине, Линь Му был готов собственноручно искромсать этого собачьего императора в капусту. Будучи Сыном Неба, этот пес вздумал грязными методами оговаривать верных подданных — до чего же он выжил из ума.

Глядя на то, как жена разгневалась из-за него, зародив бурю праведного гнева, Чу Сяо весело рассмеялся, словно это не его пытался загнать в угол император, за что удостоился свирепого взгляда от Линь Му. Но тот взгляд показался Чу Сяо капризным и прелестным, словно легкое пёрышко задело самые струны сердца, и он набросился на жену, свалив её прямо на письменный стол, после чего вновь зазвучала бурная мелодия их страсти. Линь Му уже окончательно распрощался с какими-либо надеждами на этого старого развратника: этот тип был одержим лишь низом живота, нельзя ли его вообще сдать обратно?

После еще нескольких дней бесстыдного и бурного времяпрепровождения император неожиданно издал указ о вызове Чу Сяо во дворец.

<http://bllate.org/book/22150/2307486>